

Слова горят

В Российской империи в конце XIX века основную часть населения составляли крестьяне. Высшие слои не превышали 1% всего населения и в ходе революций 1917 года и Гражданской войны почти полностью исчезли (мигрировали, были репрессированы или поражены в правах) в социальном и физическом смысле. В стране, однако, насчитывалось 10 млн рабочих, число ремесленников так же исчислялось миллионами человек... Именно эти когорты населения стали питательной почвой для появления конструкторов, инженеров, ученых, рабочих заводов и фабрик, сыгравших исключительную роль в индустриализации страны — были построены тысячи новых заводов, обеспечен научно-промышленный и технологический суверенитет и необходимые условия для будущей Победы в назревавшей с конца 1920-х годов новой мировой войне, которая началась на Дальнем Востоке в виде агрессии Японии против Китая.

Ни для кого из членов военно-политического руководства СССР не было секретом, что предстоит столкновение Советского Союза с империалистическим Западом. Вопрос был лишь «когда» и удастся ли сделать «за 10 лет» то, на что оппоненту потребовались столетия. Формула, конечно, утрированная, но по сути своей верная.

Оба эти вопроса были неразрывно связаны с третьим, который поставила перед Россией Первая мировая: какая социальная структура и, соответственно, какой политико-экономический строй обеспечит сохранение страны и исключит ее необратимую колонизацию? Сегодня такую глубину «большого вызова» обозначают термином «экзистенциальная угроза».

Могли ли конституционная монархия или буржуазный строй обеспечить купирование таких, «экзистенциальных», угроз? В России к 1917 году эти две системы срослись, взаимно усилив уязвимости друг друга. Предрасположенность буржуазии к нещадной эксплуатации рабочего класса, к коррумпированию госаппарата и максимизации своей прибыли слилась с заскорузлостью и внутренними противоречиями сословно-клановой верхушки. Эту «высшую чернь» обличал не столько даже словом, сколько своей жизнью А.С. Пушкин, погибший не только от пули Дантеса, но и от клубка интриг, направленных внешнюю и внутреннюю политику государства и задевших его лично. С мощной силой этой высокопоставленной «черни» не мог не считать-

ся ни один «помазанник». И оба Николая, и все три Александра на троне прекрасно помнили, как беспредельно могут взбунтоваться социальные «верхи». Они знали, что бунт низов быстро обретает симпатизантов в верхах, притягивая разномастных игроков из-за кордона. Сегодня эту проблематику описывают термином «социально-политическая стабильность» и тому подобными «нарративами». Это очень конкретные сюжеты с очень конкретными персонажами и в прошлом, и в настоящем.

В начале XX века три деловых вектора и, соответственно, бизнес-клики с их коррупционными связями и, что существенно, три типа научно-публицистического, мировоззренческого обоснования разрывали внешнюю политику страны, мешали сконцентрировать ресурсы государства на главном, обрекая на проведение буквально трех внешних политик — на Западе, Юге и Востоке, попутно откладывая ответ на внутренние вызовы (система голосования, дисциплинирование финансистов, расселение, права, коррупция и т.д.). Сегодня, пусть в другой упаковке, повторяются те же стратегические вызовы. Как 100 лет назад, так и сейчас, сложность, многообразие, трудноизлечимость фундаментальных проблем требуют не менее сложного способа решения. Система и субъекты управления, чтобы быть успешными, должны быть сложнее, умнее, чем «объект» управления. Начинается это «поумнение» с понимания, что «объект» и тогда, и сейчас на самом-то деле субъектен. Но от научного понимания полисубъектности управленческого процесса до приложения этих научно обоснованных выводов к реальности — и тогда, и сейчас — «дистанция огромного размера». Тогда это закончилось трагедией. Потом, с огромными жертвами и потерями, удалось выправить развитие страны, произвести ее сборку, совершить рывок в развитии.

Осознавая трагизм ситуации, высшее военное руководство Российской империи, за исключением всего лишь двух военачальников, поспособствовало государственному перевороту, который тщательно готовился другими силами. Итогом стал февраль 1917 года. Попытка справиться с вызовами оказалась ущербной. В сложнейшем взаимодействии бурлящего социума, представителей военной элиты и большевиков был спровоцирован октябрьский переворот, с годами поименованный (и небезосновательно) «революцией». Через три поколения официальный взгляд на эти события и процессы будет не менее трех раз серьезно скорректирован. И до сих пор он еще размыт, до сих

пор вызывает дискуссию на самых высоких этажах руководства. А дискуссия всегда возникает там, где имеется мотив охоты за критерием.

История живет циклами, и стратегические ситуации в ней повторяются причудливым, но вполне изучаемым образом. Поэтому глубина понимания прошлых «бифуркаций» дает преимущество, критерий для разруливания актуальных неурядиц, парирования вызовов, проектирования желаемого будущего.

Для современных усилий по выстраиванию «скреп», обнаружению социальных ДНК, культурных кодов реальная история страны таит немало ловушек. И всякий, кто основывает эти усилия на произвольном, по сути, конструировании «идеала», некой нормативной модели того, «что такое хорошо», неизбежно попадает в ловушку прекраснодушного абстрагирования от фундаментальности реалий. А от него один шаг до разгула социального лицемерия и, как следствие, до запретительного способа управления массовым сознанием и осознанием и, что очевидно, до разрушения того, что называют «доверием» или «рейтингами». Это, в свою очередь, примитивизирует способ управления и дает импульсы нагнетанию страстей по поводу всего, резко наращивает шум в прямых и обратных связях, раскачивает даже самые прочные конструкции.

Между тем в совсем недавней российской истории живет и наращивает свое присутствие «парадоксов друг» — опыт. С ним тоже пытаются иногда заигрывать, что-то лакируя, а что-то раздувая. Опыт ценен своей полнотой, своей многокрасочностью, драматургией, предполагающими балансировку восприятия, — не «белое — черное», но спектр и его соотношение с теми самыми «экзистенциальными угрозами».

По сути, эволюцией нам преподан кристально ясный урок. Ведь эволюция социума происходит и через ошибки, осознание которых наделяет мудростью, заодно, правда, снижая порывистость поступков, если к этому не вынуждает нечто, посягающее на эту мудрость. Кристальная чистота эволюционного урока, в частности, в том, что перемены, включая перемены большие — смену парадигмы, модели, строя, — сопровождаются выплескиванием на всевозможные поверхности боли — духовной, душевной, интеллектуальной, социальной. Это выплескивание есть способ диагностирования и шаг к исцелению. На то и дан язык человеку, чтобы разбираться в семиотике своего самоопределения в жизни. Не случайно именно языковые модели стали ареной экспансии систем искусственного интеллекта. И вовсе не безобидно как извержение слов, так и его пресечение теми или иными способами. За словами, которые горят, скрывается прежде всего боль. Эта боль — генератор колоссальных социальных энергий, особенно когда она невыразима по двум причинам: нет за-

конного способа выражения или нет нужных слов, чтобы объяснить, что и почему болит.

Главный секрет 1917 года, породившего колоссальные сдвиги, в том, что в них и благодаря им для многих миллионов людей был запущен «социальный лифт» в сферу самого разнообразного и продуктивного творчества. Была сломана сословная система, в которой перспективы человека сильно и едва ли не для всех пожизненно зависели от места в социальной иерархии. Она была упорядочена и внедрена Петром I как «Табель о рангах» — сословный метод рекрутирования кадров управления и построения карьеры. В системе мемов (лозунгов) перемены 1917 года был не только призыв к миру и передаче прав собственности на землю и фабрики трудящимся, но прежде всего призыв отменить сословные ограничения. Они тормозили конструктивное проявление возраставших народных сил.

Что общего у современной ситуации с событиями, происходившими 110 лет назад? Просто провести аналогию, как это, например, недавно сделал Г.А. Зюганов в Госдуме, недостаточно. Просто критиковать ДКП, налоговую и все прочие виды регуляторики, как это вполне профессионально делают многие, недостаточно, как и просто констатировать со всей озабоченностью предопределенность узкого коридора экономических возможностей на ближайшие годы. Уже сложилось множество факторов, хорошо изученных в теории катастроф, которые создают неудовлетворенность даже правильными мерами в регуляторике и прочих сферах. Неудовлетворенность набухает так, как зреет опасный гнойник или более тяжелое отклонение в жизненно важных системах. Уже не вызывают, кажется, удовлетворения почти ежедневные сообщения о пресечении мздоимства. Слишком они часты, слишком масштабны, слишком предопределены — никто не удивляется этим новостям. Перечисление того, что более не дает удовлетворения, можно продолжить. Именно это сейчас становится критической проблемой наряду с ей сопутствующим уклонением канцелярской машины от нормального, конструктивного диалога с обществом, с гражданами по вопросам, требующим внимания на надлежащем уровне. В большинстве случаев — вовсе не на высшем. Но как это удобно — каждую жалобу отправлять сразу в Кремль...

И тогда, в преддверии 1917 года, и сейчас панель проблем, которые остро, с болью ощущают и резко оценивают миллионы граждан, не получится заменить быстро устаревающими и отрывающимися от реалий повестками ток-шоу. Главный вызов и тогда, и сейчас — слова горят от боли, а есть ли должная реакция на эту боль на надлежащих уровнях и в сферах управления? **BC**

P.S. Экспериментальную версию данного текста в стилистике Н.В. Гоголя и И.А. Бродского, подготовленную с помощью нейросети «Онтологический морфогенез 2.0», см. на сайте ageev.net